

Ева Стелла

КНЯЖЕСКАЯ МЕТКА

Ева Стелла

Княжеская метка

«Литнет»

2026

Стелла Е.

Княжеская метка / Е. Стелла — «Литнет», 2026

Она была криминалистом в XXI веке, а стала пленницей в теле беглянки Олены в суровом средневековом Чернограде. Её первый день в новом мире - допрос у князя Святослава, властного и безжалостного правителя, которого медленно травят ядом. Единственный способ выжить - доказать, что она может быть полезна. Но цена за жизнь оказывается унижительной: наложница. Между ними вспыхивает не просто страсть, а война характеров. Ярость, ненависть и дикое притяжение переплетаются в опасный узел. Он видит в ней лишь собственность, но вынужден признать её ум. Она ненавидит его за власть, но понимает, что только рядом с ним у неё есть шанс раскрыть заговор, грозящий уничтожить княжество. Когда расследование выводит их на след древней тайны, скрытой в стенах Чернограда, становится ясно: появление Олены здесь - не случайность. За ней охотятся могущественные силы из иных слоёв реальности. Семь ключей, вырезанных в камне, семь ритуалов, связывающих их судьбы с судьбой города и последний выбор, который определит всё. Он - её тюремщик, защитник и единственный якорь в этом мире. Она - его слабость, его сила и ключ к разгадке, от которой зависит будущее. Смогут ли они пройти все испытания, не сломав друг друга? И что страшнее — враг у стен или правда, которую они откроют в самих себе?

© Стелла Е., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1.	9
Глава 2.	13
Глава 3.	19
Глава 4.	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Пролог

Сознание вернулось к ней не сразу. Оно плыло в густой, тягучей темноте, пронизанной вспышками боли. Сначала ощущения были отрывочными, абстрактными: ломота в висках, холодная жесткость под спиной, запах - едкий, незнакомый, смесь дыма, конского пота и чего-то гнилостного.

Александра попыталась открыть глаза. Ресницы слиплись. Она моргнула, заставила веки разомкнуться. Над ней проплыло небо - свинцовое, низкое, чуждое. Не панорамное стекло потолка её квартиры в новостройке, не знакомый светофор у перекрёстка. А просто небо. Серое, бесконечное.

Она попыталась поднять руку, чтобы потереть глаза, и застонала. Руки были скручены за спиной, запястья стянуты грубым, врезающимся в кожу шнуром. Боль была яркой, реальной. Это не сон. Слишком детально, слишком осязаемо.

- Дышит, - прозвучал рядом грубый мужской голос. - Живая.

- Мало что, - отозвался другой. - Князь велел живьем доставить. Коли помрет в дороге - нам же отвечать.

Александра медленно повернула голову. Мир покачнулся, поплыл. Она лежала на телеге, на подстилке из грязной соломы. По бокам, едва не задевая её ноги, шагали люди в какой-то странной одежде. Длинные, грязные рубахи, поверх - кожаные или стеганные куртки, на ногах - онучи и лапти. У одного на боку висел изогнутый нож в простых ножнах, у другого - короткое копьё.

- Что за исторический фестиваль? - промелькнула первая, отчаянно рациональная мысль. - Меня похитили? Увезли куда-то?

Но тело было другим. Руки - уже, пальцы - длиннее, на внутренней стороне ладони правой руки - тонкий белый шрам, которого у неё никогда не было. Под грубой тканой одеждой она чувствовала изгибы тела - более худого, более лёгкого, чуждого.

Паника, холодная и тошнотворная, подступила к горлу. Она сглотнула.

- Где я? - её голос прозвучал хрипло, чужим тоном, с лёгким, незнакомым акцентом.

Мужик с копьем оглянулся, усмехнувшись. Зубы у него были темные, редкие.

- На пути в Черноград, девица. К светлому князю Святославу Всеволодовичу. Радуйся - жива пока. Для чего ты ему сдалась, мы не ведаем. Но видно, не для пирога с вишней.

Черноград. Святослав Всеволодович. Имена бились в сознании, не находя опоры. Это было как бред. Тяжёлый, реалистичный бред.

Телега подпрыгнула на кочке, боль рванулась от запястий к плечам. Александра закусила губу, чтобы не закричать. Она, старший лейтенант полиции, эксперт-криминалист Александра Воробьева, три дня назад защищавшая в суде заключение по делу о серийном убийстве... Лежит связанная на телеге в компании каких-то реконструкторов, которые говорят на странном диалекте и везут её к какому-то князю.

Сердце заколотилось чаще. Она принудила себя дышать глубже, по системе, которой учили на курсах выживания. Оценка обстановки. Что вижу?

Лес. Густой, хвойный, местами смешанный. Дорога - накатанная грунтовая колея, полная грязи и луж. Не асфальта. Даже щебня. Просто земля. Воздух - холодный, влажный, пахнет прелой листвой и сыростью. Осень. Глубокая осень.

Одежда на ней - грубая льняная рубаха, поверх - порванный, когда-то дорогой, судя по вышивке, летник. На ногах - стоптанные сапожки из тонкой кожи, промокшие насквозь.

Это был не фестиваль. Слишком всё аутентично. Слишком много деталей. Боль слишком настоящая.

Мысль, от которой кровь стыла в жилах, пробила сквозь панику: “Попаданцы. Фантастика. Та самая, которую она иногда читала в метро, чтобы отвлечься.”

Но нет. Не может быть. Наука. Логика. Доказательства.

Телега выехала из леса. Впереди, в разрыве холмов, показалась река - широкая, серая, медленная. А на высоком, крутом берегу...

Александра замерла.

Город. Но не город из её времени. Деревянные стены, частокол с острыми верхушками. За ними - скученные бревенчатые кровли, дым из десятков труб. На самом мысу, над обрывом, возвышалась крепость с каменным основанием и башнями. Ветер донес лай собак, крики, звон металла.

Это была не декорация. Масштаб, запах, звук - всё кричало о подлинности.

- Вона и Черноград, - сказал копейщик, удовлетворенно плюнув. - Дотащим, сдадим с рук на руки да пойдём кваску хлебать.

Александра закрыла глаза. Внутри всё оборвалось. Рациональный мир, в котором она жила тридцать два года, рухнул. Осталась только холодная, животная необходимость: выжить. Во что бы то ни стало.

Она открыла глаза снова. Взгляд стал жестче, острее. Она изучала стены, ворота, движение на подъезде. Проход через ров по деревянному настилу. Подъёмные ворота. Часовые на стенах. Средневековая фортификация, вероятно, Русь, домонгольский период. Уязвимости? Мысли текли автоматически, как на работе при осмотре места происшествия.

Телега въехала в открытые ворота. Мир сузился до тесных, грязных улиц, заставленных ларьками, забитых людьми в простой, грубой одежде. На неё оглядывались с любопытством, иногда с жалостью, чаще с равнодушием. Здесь, видимо, привыкли к виду пленников.

Крепость на мысу росла перед ними. Вторые, более мощные ворота. Больше стражников, лучше вооружение. Камень в кладке. Здесь пахло влажным камнем, железом и властью.

Телега остановилась во внутреннем дворе, заваленном бочками, дровами и всяким скарбом. Её грубо стащили на землю. Ноги, затекшие от неудобной позы, подкосились. Она упала на колени в холодную грязь.

- Привезли, боярин, как велено, - доложил копейщик какому-то дородному мужчине в длинном кафтане и высокой меховой шапке.

Боярин, окинул Александру беглым, оценивающим взглядом. Взгляд был не жестоким, а деловым, как у кладовщика, принимающего товар.

- Обошлись без увечий?

- Без, боярин. Только от побоев старых синяки да ссадины.

- Ладно. Вести к князю. Он в гриднице.

Её подняли за локти, поволокли через двор к высокому бревенчатому терему с резными наличниками. Лестница. Темные сени. И затем - просторный зал.

Здесь было тепло от огромной печи в углу и душно от запахов еды, воска, кожи и человеческих тел. Вдоль стен стояли лавки, на них сидели люди - воины в кольчугах, старшие дружинники, несколько священников в чёрном. В центре, за длинным дубовым столом, на резном кресле, похожем на трон, сидел мужчина.

Князь Святослав Всеволодович.

Её первое впечатление было простым: сила. Не просто физическая мощь, хотя и её было видно в ширине плеч, в уверенной посадке. А сила власти, привычки повелевать. Ему было лет тридцать пять, не больше. Темные волосы, коротко остриженные по тогдашней моде, борода, аккуратно подстриженная. Лицо резкое, с высокими скулами, прямым носом и холодными серыми глазами, которые сразу нашли её в полутьме зала. На нем был темно-синий кафтан с простой, но качественной вышивкой по вороту и поручням. На груди висела тяжелая серебряная цепь с каким-то знаком.

Он доел кусок мяса с ножа, не спеша вытер руки о тканевую салфетку и откинулся на спинку кресла.

- Так это и есть та самая беглянка из рода Дубровских? Та, что шпионила в моих лесах? - Голос был низким, спокойным, без намека на гнев. От этого было еще страшнее.

- Она, светлый князь, - ответил боярин. - Олена Дубровская. Род разбит, отец убит в стычке с литовцами. Бежала с остатками челяди, но была перехвачена нашими заставами. При ней нашли грамоту с печатью Переславля-Рязанского.

Святослав медленно кивнул, его взгляд скользнул по Александре с головы до ног. Уничжительный, изучающий.

- Поднимись.

Ее толкнули вперёд. Она встала, пытаясь держать спину прямо, несмотря на связанные руки и дрожь в коленях. Глаза ее встретились с глазами князя.

В них не было ни любопытства, ни жалости. Был лишь холодный расчёт.

- Что скажешь в своё оправдание, Олена Дубровна? Или признаешь вину?

Язык прилип к нёбу. Она не знала, кто такая Олена. Не знала, в каких интригах оказалась замешана. Любое слово могло стать смертным приговором. Но молчание - тоже.

Инстинкт выживания сработал быстрее мысли. Она вспомнила взгляд князя - усталый, с тяжёлыми веками. Легкую желтизну белков. Следы напряжения вокруг рта. Детали, которые ее натренированный глаз криминалиста улавливал автоматически.

Она сделала шаг вперёд. Стражники напряглись, но князь едва заметно махнул рукой, разрешая.

- Моя вина или невиновность - вопрос второстепенный, князь, - ее голос прозвучал тихо, но чётко в внезапно наступившей тишине. - Вам стоит волноваться о другом. Вас травят. Медленно, но верно. И я вижу это по вашему лицу.

Тишина в гриднице стала гробовой. Кто-то из дружинников ахнул. Лицо боярина, что её привёл, исказилось ужасом.

Святослав не двинулся. Только брови его слегка поползли вверх. Но в серых глазах что-то дрогнуло - не страх, а скорее ледяная, сфокусированная ярость.

- Что? - спросил он тихо, и этот шепот был страшнее крика.

Александра вдохнула, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

- Желтизна склер. Легкий тремор пальцев, который вы пытаетесь скрыть, сжимая рукоять ножа. Неестественная сухость губ при общей влажности в зале. И главное - запах. Сладковатый, едва уловимый запах изо рта, который не перебивает даже мясо. Это признаки. Возможно, мышьяк, или сулема, или какой-то местный яд на основе белены. Вам примерно месяц как стало хуже? Головные боли, слабость по утрам, проблемы с пищеварением?

Она не была врачом, но курсы токсикологии и криминалистики дали ей базу. А ещё - отчаянная ставка на то, чтобы быть не просто пленницей, а ценной.

Князь молчал, не сводя с нее глаз. В зале замерли все. Казалось, даже дыхание притаило.

Потом Святослав медленно поднялся с кресла. Он был высок, на голову выше большинства мужчин в зале. Подошёл к ней вплотную. Она не отступила, подняв подбородок, встречая его взгляд. От него пахло кожей, металлом и той самой сладковатой горечью, о которой она сказала.

- Кто? - спросил он, и в этом одном слове была тяжесть всей его власти.

- Я не знаю, - честно ответила Александра. - Но если вы оставите меня в живых, я могу попытаться помочь это выяснить. Я умею замечать то, что другие не видят.

Он изучал ее лицо долго. Потом его взгляд упал на её связанные запястья.

- Развязать её.

- Княже, но она... - начал боярин.

- Развязать, - повторил Святослав без повышения тона, и в его голосе прозвучала сталь.

Кто-то быстро перерезал ремень. Кровь хлынула к онемевшим пальцам, причиняя новую, жгучую боль. Александра едва удержалась от стога, просто сжав кулаки.

Князь снова окинул её взглядом, но теперь в нём появилась тень какого-то нового, мрачного интереса.

- Ты заявляешь, что невиновна в шпионаже, но знаешь толк в ядах. Ты из разоренного рода, но говоришь, как книжник, и смотришь мне в глаза, как равная. Ты - загадка, Олена Дубровна. А я не люблю загадок рядом со своим тронem.

Он сделал паузу, давая словам повиснуть в воздухе.

- Жить ты будешь. Пока что. Но не в темнице. С этого часа ты - моя наложница. Будешь жить в тереме, под присмотром. Будешь есть с моей руки и спать у моих ног. И каждый твой шаг, каждое слово будут под наблюдением. А если твои догадки о яде окажутся ложью... - Он не договорил, но смысл был ясен. - Если же ты права, тогда, возможно, ты найдешь себе место при моем дворе. Иное, чем на соломе в темнице.

Наложница. Слово ударило её, как пощечина. Унизительное, страшное, отнимающее последние остатки контроля. Но в его предложении была и тонкая щель для маневра. Жизнь. Доступ к нему. Возможность что-то изменить.

Она опустила глаза, не в силах больше выдерживать его взгляд. Это было воспринято как покорность.

- Так и быть, - тихо сказала она.

Святослав отвернулся от неё, к столу.

- Боярин Мирон, устрой её в малом тереме, рядом с моими покоями. Две служанки, которые ни на шаг. Кормить, поить, одеть в чистое. Но если она попытается бежать или передать весть... - Он обернулся, и его взгляд снова пронзил её. - Принести её голову мне на плахе. Всё.

Ее увели. Последнее, что она увидела, прежде чем тяжёлая дверь гридницы закрылась за ней, - это взгляд князя. Холодный, оценивающий, полный недоверия и того самого нового интереса.

Ее вели через двор, в другой, меньший по размеру, но тоже двухэтажный сруб. Внутри пахло свежим деревом и дымком. В горнице на втором этаже было просто: кровать с пологом, лавка, сундук, рукомойник.

Служанки - две девушки с испуганными глазами - молча принялись её раздевать, обтирать тёплой водой, облачать в чистую, простую, но мягкую рубаху и тёплый шерстяной опашень. Принесли еду - чёрный хлеб, похлёбку, кусок рыбы. Александра ела механически, почти не чувствуя вкуса.

Когда служанки ушли, заперев дверь снаружи, она подошла к маленькому, затянутому бычьим пузырьём окну и выглянула во двор. Сумерки сгустились. Где-то там, в главном тереме, сидел мужчина, от воли которого теперь зависела её жизнь. Мужчина, который назвал её своей вещью.

Она сжала кулаки. Страх отступал, его место начинала заполнять ярость. Холодная, целеустремлённая ярость.

«Хорошо, князь Святослав, - подумала она, глядя на огни в его окнах. - Ты хочешь сделать меня наложницей. Игрушкой. Посмотрим, кто кого переиграет. Ты думаешь, что приручил дикарку. А я пришла из мира, где правила игры пишутся иначе. И первое правило: никогда не недооценивать противника».

Закат догорал за частоколом, окрашивая бревенчатые стены в цвет крови. Внутри них, в своей новой клетке, Олена, бывшая Александра - дала себе клятву. Она выживет, разберётся, куда попала. И она не просто станет чьей-то собственностью.

Она изменит правила этой игры. Или умрёт, пытаясь.

Глава 1.

Первая ночь в малом тереме выдалась беспокойной. Александра не могла уснуть. Тело ныло от усталости и стресса, но разум лихорадочно работал, перемалывая обрывки информации. Черноград. Удельный князь. Явно Русь, но какая именно? По архитектуре, одежде, языку - домонгольский период, XII или начало XIII века. Эпоха раздробленности, бесконечных междоусобных стычек. Опасное время, особенно для женщины без рода и племени.

Она встала с постели, подошла к окну. Пузырь, заменявший стекло, пропускал лишь размытые силуэты. Где-то вдали, за стенами, был сторожевой пёс. Ветер шумел в кровлях. Этот мир был полон чужих, угрожающих звуков.

Утром её разбудили служанки - та же пара, что и вчера. Молчаливые, пугливые. Одну звали Мавра, другую - Улита. Они принесли воду для умывания, простую еду: овсяную кашу с льняным маслом, тот же черный хлеб, мёд в глиняной чашке.

- Князь приказал, чтобы ты... чтобы вы выглядели достойно, - робко проговорила Мавра, выкладывая на сундучок платья. Они были скромнее, чем то, в котором её привезли, но качественнее её новой ночной рубахи. Шерсть, лён, простая вышивка по подолу и вороту.

«Достойно для наложницы», - мысленно дополнила Александра. Унизительная роль. Но роль - это тоже возможность. Маска, за которой можно спрятаться и наблюдать.

- Что сегодня происходит в княжьем дворе? - спросила она, стараясь, чтобы голос звучал нейтрально, не вызывая.

Девушки переглянулись. - Князь вершит суд с утра в гриднице, - сказала Улита. - Потом, слышала, поедет смотреть новые засеки на границе с Брянскими лесами.

Суд. Интересно. Отличный шанс изучить местные порядки и самого князя в деле.

- Я хочу посмотреть, - заявила Александра.

- Но... тебе не приказано выходить, - испуганно сказала Мавра.

- Мне приказано быть наложницей князя. Разве наложнице не подобает интересоваться делами своего господина? Или вы хотите, чтобы я жаловалась князю, что вы удерживаете меня силой?

Она блефовала, но блеф сработал. Страх перед княжеским гневом перевесил. Девушки, поколебавшись, кивнули.

- Только не появляйся на виду, - попросила Улита. - Можно с сеней гридницы, через щель в дверях посмотреть. Там иногда челядь стоит, слушает.

Через полчаса, одетая в одно из принесенных платьев - тёмно-зелёное, без излишеств, - Александра стояла в тёмных, холодных сенях гридницы, прильнув глазом к щели между массивными косяками двери.

Зал был полон. На лавках сидели бояре, дружинники, купцы. В центре, на низкой скамье, стояли тяжущиеся - два мужика с бородами-лопатами, яростно жестикулирующие. Речь шла о меже, о скоте, зашедшем на чужое поле.

Святослав сидел на своём кресле, откинувшись на спинку. Он слушал молча, лишь изредка задавая короткие, точные вопросы. Его лицо было усталым, но сосредоточенным. Тот самый лёгкий тремор в пальцах, о котором говорила Александра, действительно был замечен, когда он брал со стола кубок с питьем. Но в остальном он вел себя идеально - уверенно, с ледяной, почти равнодушной объективностью. - «Хороший правитель, - аналитически отметила про себя Александра. - Не горячится, слушает обе стороны, решение принимает быстро и аргументированно. Уважает закон, даже если он грубый по нашим меркам».

Внезапно Святослав поднял взгляд и посмотрел прямо на щель, за которой она стояла. Казалось, его серые глаза на миг встретились с её глазами. Сердце Александры ёкнуло. Она отпрянула в глубь сеней. Не может быть, чтобы он увидел.

- Следующее дело, - раздался голос князя, чуть громче прежнего. - Привести вора. Того, что взят с казной в амбаре.

В зале прошелестело. Ввели связанного молодого парня, лет двадцати, в рваной рубахе. Лицо перекошено страхом.

- Ты признаешь, что взял серебро из княжеского амбара? — спросил Святослав без преамбулы.

- Не брал я, княже! Клянусь! Меня подставили! - залепетал парень, падая на колени.

- Свидетели есть. Стражник видел, как ты выходил ночью из амбара с мешком. В твоей куртке нашли две гривны.

- Да они в сговоре! Стражник этот, Гаврила, он мне должен за игру в кости! Хотел свести счёты!

Святослав вздохнул. Усталость на его лице стала явственнее.
 - Доказательства против тебя. Слова твои - пустой звон. По обычаю, за кражу из казны - правая рука.

Парень завыл. Стража двинулась к нему.

Александра, не думая, толкнула дверь и вышла в зал.

Тишина наступила мгновенная, гробовая. Все головы повернулись к ней. Сотни глаз - удивленных, возмущенных, любопытных - впились в неё. Она чувствовала их на себе, как физическое давление.

Святослав медленно поднял на неё взгляд. В его глазах не было удивления. Был холодный, предсказуемый гнев.

- Кто позволил тебе войти сюда? - спросил он тихо, это было опаснее крика.

Александра сделала шаг вперёд, сжимая дрожащие руки в кулаки под складками платья.
 - Я прошу слова, князь.

- Ты просишь? - он усмехнулся, коротко и беззвучно. - Наложница просит слова на княжеском суде? Ты забыла своё место, Олена.

- Я помню его и нахожусь здесь по вашей воле. Раз уж я здесь, то, возможно, могу быть полезна не только в... иных делах. Этот парень утверждает, что его подставили. А что, если это правда?

В зале поднялся ропот. Кто-то из бояр вскочил.
 - Княже! Женщина на суде - грех и нарушение всего порядка! Да ещё эта пленница!

Святослав поднял руку, и ропот стих. Его взгляд буравил Александру.
 - И что же ты можешь знать о воровстве, девица?

- Я могу задать ему несколько вопросов. И свидетелю. Если он лжёт, это станет очевидно. Если нет, то вы казните невиновного и оставите настоящего вора на свободе. Возможно, того, кто ворует из вашей казны не в первый раз.

Она играла ва-банк. Но её профессиональное чутьё криминалиста кричало: дело пахнет неправильным. Слишком уж всё гладко: пойман с поличным, да ещё и свидетели.

Святослав молчал, оценивая ситуацию. В его взгляде шла внутренняя борьба: гнев на дерзость, любопытство, усталость от этой бесконечной вереницы мелких предательств.
 - Задай свои вопросы, - наконец сказал он. Но помни: если ты ошибаешься, его участь разделишь и ты. За вмешательство в правосудие.

Она кивнула, чувствуя, как сохнет во рту. Подошла к дрожащему парню.
 - Как тебя зовут?
 - С-Степка...
 - Ты говоришь, что стражник Гаврила тебе должен. Сколько?
 - Три... три гривны серебром. С прошлой луны.
 - Играли где?
 - У конюшни, в сенях, после заката.

Александра повернулась к стражнику Гавриле, крепкому коренастому мужику с хитрыми глазами.
 - А ты подтверждаешь этот долг?

Гаврила покраснел, бросил взгляд на князя.
 - Врёт он, княже! Никакого долга не было! Я с такими щенками не играю!

- Интересно, - сказала Александра, глядя на его руки. - Ты правша, Гаврила?
 Тот нахмурился.
 - Да...
 - Покажи ладони.

С недоумением, но повинаясь властному тону в её голосе, стражник протянул руки. Александра внимательно посмотрела. На правой ладони, между большим и указательным пальцами - свежие, ещё не зажившие порезы. Мелкие, но многочисленные.

- Откуда эти порезы?
 - Дрова колол - щепой поранило.
 - Щепой? - она усмехнулась. - Эти порезы характерны для работы с металлической стружкой или с замком. Когда спешишь и скользишь инструментом.

Она обернулась к князю.
 - Князь, прикажите обыскать не только Степку, но и Гаврилу. И его квартиру в казарме. И осмотреть сам замок на амбаре. Я подозреваю, что его вскрывали не ломом, а отмычкой. У Степки, судя по его рукам (они были покрыты старыми мозолями от косы и топора), нет навыков тонкой работы. А вот у стражника, который имеет дело с оружием и доспехами, они вполне могут быть.

Тишина стала еще глубже. Святослав не спускал с неё глаз. Потом кивнул одному из старших дружинников.
 - Сделай, как она говорит. Обыскать Гаврилу. Осмотреть замок.

Прошло полчаса томительного ожидания. Александра стояла, чувствуя, как под взглядами сотен людей её спина становится мокрой от пота. Святослав сидел неподвижно, лишь пальцы его медленно барабанили по ручке кресла.

Вернувшийся дружинник нёс небольшой кожаный мешок. Он вытряхнул его содержимое на стол перед князем: несколько серебряных гривен, пару тонких металлических шпилек и маленький, изогнутый, заточенный с одной стороны инструмент - примитивная, но эффективная отмычка.

- Найдено под половицей в казарменной клету Гаврилы, - доложил дружинник. - И замок на амбаре действительно поцарапан, как от такого инструмента.

Гаврила побледнел как смерть и рухнул на колени.
 - Княже! Милости! Это не я! Мне подбросили!

Но теперь его вина была очевидна всем. Святослав смотрел то на отмычку, то на Александру. В его глазах было что-то новое: не просто интерес, а уважение, смешанное с глубоким подозрением.

- Взять Гаврилу, - тихо сказал он. - Допытаться о сообщниках. А потом - по обычаю. Степку - освободить. Долг Гаврилы в три гривны выплатить ему из конфискованного.

Он поднялся с кресла. Взгляд его снова нашёл Александру.
 - А ты... пойдём.

Он повернулся и вышел через боковую дверь в глубине зала, не оглядываясь. Александра, после секундной заминки, последовала за ним.

Он вёл её не в свои покои, а в маленькую, заставленную сундуками комнату, - явно кабинет или казнохранилище. Захлопнул дверь. В тесном пространстве его присутствие ощущалось ещё острее. Он пах кожей, деревом и той же едва уловимой горечью яда.

- Как ты это сделала? - спросил он без предисловий, упираясь руками в стол и наклоняясь к ней. - Откуда знаешь про отмычки, про порезы? Кто ты на самом деле, Олена Дубровна? Или это не твоё имя?

Александра отступила на шаг, наткнувшись спиной на полку.
 - Я наблюдательна. Мой отец интересовался разными ремеслами. Учил и меня.

- Врёшь, - отрезал он. - Ты говоришь и думаешь не как девушка из боярского рода. Ты говоришь как воин. Как воевода на совете. Только женщина. Кто тебя научил читать людей? Кто научил тебя логике, которой нет даже у моих бояр?

Его вопросы били в самое уязвимое. Она не знала, как ответить правду, чтобы её не сочли безумной или ведьмой.
 - Быть может, я просто не такая, как все, - выдохнула она.
 - Это очевидно, - он выпрямился, но не отошёл, продолжая держать её в поле своего внимания.

- Сегодня ты спасла невинного и выявила предателя. Это полезно. Но это же делает тебя опасной. Очень опасной.

Он шагнул вперед, сократив дистанцию до минимума. Она чувствовала тепло его тела, видела каждую морщинку у его глаз, каждый волосок в бороде.
 - Ты сказала про яд. Ты права. Лекарь подтвердил твои догадки. Меня действительно травят. Медленно. Кто-то из близких. Из тех, кто имеет доступ к моей еде и питью.

Его голос стал тише, интимнее, но от этого не менее угрожающим.
 - Ты хочешь быть полезной? Хочешь доказать, что достойна не просто тёплого угла? Найди мне этого предателя. Используй свою наблюдательность. Твои странные знания. Если найдешь, то получишь не просто жизнь. Получишь защиту, положение. Может, даже свободу в пределах этих стен.

- А если не найду? - спросила она, глядя ему прямо в глаза.

Он медленно улыбнулся. Улыбка была холодной, безжалостной.
 - Тогда твоя полезность закончится. А я не держу при себе бесполезные вещи. Особенно те, что знают слишком много.

Он протянул руку и коснулся пальцами её подбородка, принудительно подняв её лицо. Прикосновение было твердым, властным.
 - С сегодняшнего дня ты будешь присутствовать со мной на судах, на советах, если я того пожелаю. Будешь глазами, которые видят то, что не видят другие. Но помни: ты по-прежнему моя наложница. И сегодня ночью ты исполнишь свои прямые обязанности.

Сердце Александры упало. Она знала, что этот момент наступит. Но от осознания стало физически тошно.
 - Я...
 - Никаких «но», - перебил он, и в его голосе зазвенела сталь. - Ты сама напросилась в эту игру. Вот ее правила. Либо играй по ним, либо выходи из неё. Навсегда.

Он отпустил её подбородок и отвернулся, давая понять, что разговор окончен.
 - Иди. Приготовься. Я пришлю за тобой после вечерней трапезы.

Александра вышла из комнаты, чувствуя, как ноги подкашиваются. Она прошла через двор к своему терему, не видя ничего вокруг. Унижение и ярость боролись в ней с холодным расчётом.

«Наложница, игрушка, инструмент, - думала она, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони. - Хорошо, Святослав. Ты дал мне задание. Я его выполню и найду твоего отравителя. Но я сделаю это не для того, чтобы заслужить твою милость, а, чтобы получить рычаги. Чтобы доказать тебе и всем здесь, что я - не вещь. И когда-нибудь, князь, ты пожалеешь, что впустил в своё логово волчицу».

Она подняла голову, глядя на затянутое облаками небо над частоколом. Здесь, в этом жестоком, чуждом мире, у неё не было ничего. Ни имени, ни прошлого, ни защиты. Были только ее ум, воля и жгучее, всепоглощающее желание выжить.

И теперь - охота началась.

Глава 2.

Вечерняя трапеза в гриднице была напряженной. Александра сидела не за княжеским столом, а на отдельной низкой скамье чуть поодаль, будто домашний зверь, которого допустили в палаты. Еду ей приносила Мавра. Пила она только воду из собственного кубка, который тщательно осмотрела - простой деревянный, без трещин и подозрительных налётов.

Святослав сидел во главе стола, окруженный своими ближайшими людьми: воеводой Ратибором - седым исполином со шрамом через глаз, боярином Мироном - тем самым, что принял её в первый день, и еще несколькими лицами, чьих имен она пока не знала. Разговор шёл о засеках на границах, о тревожных вестях с юга, где кочевники участвовали в набегах, и о переговорах с соседним княжеством по поводу спорных земель.

Александра ела мало, но слушала внимательно, впитывая информацию. Она изучала каждого. Кто как смотрит на князя? Кто слишком старается угодить? Кто избегает его взгляда?

Воевода Ратибор казался грубоватым, но преданным псом. Его забота о князе была искренней, почти отеческой. Боярин Мирон - идеальный управленец, педантичный и осторожный. А вот молодой боярин с горящими глазами, которого называли Лукой, ловил каждый жест князя с каким-то почти фанатичным рвением. Или это было что-то иное?

Её собственные наблюдения прервал взгляд Святослава. Он смотрел на нее через стол, через толпу слуг и дым от жаровен. Взгляд был тяжелым, оценивающим. Он поднял свой серебряный кубок, сделал небольшой глоток и чуть заметно кивнул в её сторону, как будто говоря: «Смотри. Учись».

Затем он отвлекся на разговор с Ратибором, и Александра почувствовала, как напряжение немного спало. Но ненадолго.

После трапезы, когда зал начал пустеть, к ней подошёл тот самый молодой боярин Лука. Он был красив, по местным меркам: правильные черты лица, тёмные вьющиеся волосы, умные, пронизательные глаза. - Олена Дубровна, - поклонился он с изысканной, почти театральной вежливостью. - Позволь выразить восхищение. Сегодня вы явили мудрость, достойную библейской Деборы.

Лесть. Густая и очевидная. Александра насторожилась. - Вы слишком любезны, боярин. Я лишь указала на то, что было перед глазами всех. - Но ведь увидеть - это и есть главный дар, - улыбнулся он. Улыбка была обаятельной, но глаза смотрели холодно. - Князь наш под тяжким бременем. Рад, что у него появилось новое, верное понимание.

Он сделал паузу, давая словам повиснуть в воздухе. - Будьте осторожны, девица. Двор - место скользкое. Многие здесь ревнуют к княжескому вниманию. Особенно те, кто считает его своей исключительной собственностью.

Намек был ясен: предупреждение о возможных врагах. Но от кого исходило само предупреждение - от друга или от того, кто маскируется под друга? - Благодарю за совет, - нейтрально ответила Александра. - Я здесь ненадолго и ни на чьё место не претендую.

- О, я уверен, что вы претендуете на гораздо большее, - мягко сказал Лука. - И в этом ваша сила. И ваша слабость. Спокойной ночи, Олена Дубровна.

Он снова поклонился и растворился в толпе слуг. Александра осталась с неприятным осадком. Этот Лука был опасен. Умен, хитер и умел играть на нервах.

Вскоре за ней пришёл тот же дружинник, что обыскивал Гаврилу. - Князь ждет, - коротко бросил он.

Сердце снова забило тревожно. Её повели не в главные покои, а в небольшую опочивальню, примыкающую к кабинету. Комната была аскетична: кровать с пологом из тяжёлой ткани, сундук, столик с кувшином воды и чашей. И сам Святослав.

Он уже снял верхний кафтан и стоял у небольшого окна, глядя в ночь. В одной руке у него был кубок с чем-то тёмным, вероятно, вином или медом. На нём была только длинная льняная рубаха, подпоясанная простым ремнём, обнажающая мощные предплечья и широкие плечи.

- Закрой дверь, - сказал он, не оборачиваясь.

Александра сделала это. В комнате стало тихо, слышно было только потрескивание лучин в светце и её собственное дыхание.

Он наконец повернулся. Его лицо при свете масляной лампы казалось ещё более усталым, резкие тени подчёркивали скулы и глубокую складку у рта.
 - Подойди.

Она подошла, остановившись в шаге от него. Он изучал её так, будто видел впервые: от непокорных прядей волос, выбившихся из-под простого платка, до кончиков её новых, мягких сапожек.
 - Ты дрожишь, - констатировал он.
 - Холодно, - солгала она.
 - Врёшь. Тебе страшно. Меня.

Он поставил кубок на столик.
 - Страх - это разумно. Глупо было бы не бояться. Ты сегодня показала ум. Теперь покажи, на что способна твоя воля.

Он протянул руку и коснулся её щеки. Его пальцы были теплыми и шершавыми от старого оружия.
 - Ты красива, Олена. Дикой какой-то, нездешней красотой. Это тоже оружие. Но я не хочу, чтобы ты использовала его против меня.

- А как вы хотите? - выдохнула она, не в силах отвести взгляд от его глаз.
 - Я хочу, чтобы ты сдалась, - тихо сказал он. - Не как рабыня, а как противник, признающий поражение. Добровольно.

Это была странная, извращённая игра. Он предлагал не просто физическую близость, а капитуляцию её воли. И это злило её сильнее всего.
 - А если я не сдамся?
 - Тогда это будет просто насилие, - он пожал плечами, как будто говоря о погоде. - Мне это не интересно. Мне интересны сложные задачи. А ты - сложнейшая из тех, что попадались мне в последние годы.

Его рука скользнула с её щеки на шею, большой палец провел по линии челюсти. Прикосновение было одновременно ласковым и неумолимым.
 - Выбирай. Либо ты отдаешься потому, что хочешь этого. Потому что признаешь мою силу и свою принадлежность. Либо я беру то, что и так моё по праву. Но тогда между нами не будет ничего, кроме ненависти. А мне... - он наклонился ближе, его дыхание коснулось её губ, - ...мне кажется, ты можешь быть кем-то большим, чем враг в моей постели.

Его слова раскалывали её на части. Гордость и ярость кричали, чтобы она плюнула ему в лицо. Но инстинкт выживания и странное, пугающее влечение, которое она чувствовала к этой неукротимой силе в нём, тянули в другую сторону.

Он ждал. Его глаза не отпускали её.

Александра закрыла глаза на секунду. Она думала о тёмной яме-темнице, о позорной смерти на плахе, о вечности в роли сломленной игрушки. И она думала о его словах: «Ты можешь быть кем-то большим».

Она открыла глаза. И сделала шаг навстречу. Не покорный, не робкий. Твёрдый. Её руки поднялись и легли на его грудь, ощущая твёрдые мышцы под тонкой тканью рубахи.
 - Я не сдамся, - прошептала она. - Но я... соглашусь на ваши условия.

Усмешка тронула его губы.
 - Какая разница?
 - Вся, - она впиалась пальцами в ткань его рубахи. - Капитуляция - это конец. Соглашение - это перемирие. На время.

Он рассмеялся тихо, низко, и этот смех странным образом взволновал её.
 - Хорошо. Перемирие. Посмотрим, как долго оно продлится.

Он наклонился и захватил её губы своими. Поцелуй не был нежным. Он был требовательным, властным, почти грубым. В нём было заявлено право собственности. Но было в нём и что-то ещё - огонь, ответивший на её собственный внутренний огонь. Ярость превратилась в страсть, сопротивление - в яростное соучастие.

Он сорвал с нее платок, запустил пальцы в её волосы. Она в ответ вцепилась ему в плечи, кусая его губу в ответ, чувствуя вкус железа и вина. Это была битва, но битва, где оба были одновременно и нападающими, и целью.

Он сбросил с неё опашень, потом и саму рубаху. Холодный воздух комнаты обжег кожу, но тут же его тепло накрыло её.

Его ладони обследовали её тело - не как прикосновения влюбленного, а словно полководец, осваивающий неизведанные земли. Решительно, целенаправленно, оставляя метки.

Александра не оставалась пассивной. Её руки скользили по его спине, ощущая шрамы старых ран, силу мышц. Она отвечала на его поцелуи с той же яростью, кусала его плечо, когда он взял ее, входя в неё с одним резким, уверенным движением.

Боль была острой, но краткой. Её тут же поглотила волна иных ощущений - интенсивных, почти невыносимых. Это была не любовь, а столкновение. Землетрясение. Взаимное уничтожение границ. Он двигался в ней с первобытной, животной силой, а она встречала каждый его толчок, обвивая его ногами, впиваясь ногтями в кожу его спины.

В этой жестокой близости не было ни нежности, ни ласки. Была только искренняя, неприкрытая сила и странное, извращённое единство. В момент кульминации она закричала - не от удовольствия, а от катарсиса, от выплеска всей накопленной ярости, страха и отчаянной жажды жизни. Он ответил ей низким стоном, вжимая её в матрас так сильно, что ей показалось, ломаются ребра.

Потом наступила тишина, нарушаемая только их тяжёлым дыханием. Он лежал на ней, всем своим весом, и она не могла пошевелиться. Его сердце билось у неё под ухом - гулко, быстро.

Он первым нарушил молчание. - Перемирие, говоришь? - его голос был хриплым. - На это не похоже. Похоже на объявление войны другими средствами.

Он приподнялся на локтях, глядя на неё. Его лицо было близко. Волосы, смоченные потом, падали ему на лоб. - Ну что, Олена Дубровна? Кто победил?

Она посмотрела ему прямо в глаза. В них ещё не остыл огонь. - Никто, - выдохнула она. - Пока ничья.

Он усмехнулся, и на этот раз в усмешке было что-то похожее на одобрение. - Ладно. Пусть так.

Он перевернулся на спину, увлекая её за собой, так что теперь она лежала на нём, её голова покоилась на его груди. Неожиданно мягкий, почти ласковый жест. - Завтра начнёшь свою охоту, - сказал он, глядя в потолок. - Я дам тебе свободу передвижения по двору. Можешь спрашивать, смотреть. Но каждое твоё действие будет доложено мне. И если ты сделаешь один шаг в сторону измены...

- Вы отрубите мне голову, - закончила она за него. - Я помню.

- Нет, - поправил он тихо. - Сначала я вырву у тебя всё, что тебе дорого. А потом отрублю голову. Не забывай: теперь у тебя есть что терять.

Он имел в виду себя. Эту странную, болезненную связь, что зародилась между ними этой ночью.

Александра молчала, слушая биение его сердца. Она ненавидела его. Боялась его. И в то же время этот человек был единственной реальной точкой опоры в этом новом мире. Её тюремщиком, её господином, её первой и пока единственной связью с этой эпохой.

Засыпая под мерный звук его дыхания, она думала о предателе, который травил князя. Она найдёт его. Не только чтобы выжить. Но чтобы понять правила этого мира и когда-нибудь, возможно, повернуть их в свою пользу.

На следующее утро Святослав уехал на границу смотреть засеки, как и планировал. Александра осталась одна, но с новой, пусть и ограниченной свободой. Первым делом она попросила Мавру провести её на кухню и в кладовые.

- Князь разрешил, - добавила она, видя сомнение на лице служанки.

Кухня княжеского двора была царством хаоса и запахов. В огромной печи пылал огонь, на вертелах жарились туши, в котлах кипели похлебки. Поварихи и их помощники суетились, не обращая на нее особого внимания - наложница князя была просто ещё одной деталью интерьера.

Александра наблюдала за процессом. Еду для князя готовили отдельно, на чистой плите в углу. Этим занимался личный повар Святослава - мужчина лет пятидесяти по имени Прохор, с умными, усталыми глазами и спокойными движениями. Она подошла к нему.

- Князь сказал, что я могу задавать вопросы о его пище, - начала она осторожно.

Прохор посмотрел на нее, вытирая руки о фартук. - Слышал я про тебя. Та, что яд учуяла. Что хочешь знать?

- Кто имеет доступ к еде князя от момента готовки до того, как её подают? - Я, моя помощница Фёкла, да стольник, что разносит. Больше никто. - А ингредиенты? Кто их приносит? - Приказчик из кладовой. Проверенные люди.

Она осмотрела полки со специями и травами. Многие названия были ей незнакомы. Она аккуратно понюхала несколько - горькие, сладкие, пряные. - Эти все используются? - Почти все. Князь любит яства с духом.

Она заметила небольшую деревянную коробочку, стоявшую отдельно. В ней был сероватый порошок. - А это что? Прохор нахмурился. - Это... для милости. Для мужской силы. Шаман из-за Волги привозил. Князь иногда требует, когда устал. Но давно уже не просил.

«Афродизиак, - подумала Александра. - Или что-то более опасное». Она взяла щепотку, растерла между пальцев, осторожно понюхала. Горьковатый, с металлическим оттенком. Не похоже на распространенные яды, но... - Могу я взять немного? Для... изучения. Прохор пожал плечами. - Бери. Только коли что - я не виноват.

Она перешла в кладовую. Прохладное, полутемное помещение, заставленное бочками, мешками, связками трав и корней. Здесь пахло сушеными грибами, солёной рыбой и пылью. Приказчик, тощий, похожий на церковную мышь мужчина, следил за ней неотрывно.

- Какие припасы идут исключительно на княжеский стол? - спросила она. - Мёд гречишный из Спасских лугов, мука особая, масло ореховое... - он затараторил.

Александра осматривала бочки. На одной, с мёдом, она заметила необычный знак - три пересекающиеся линии, выжженные на крышке. На другой, с маслом, такого знака не было. - А эта бочка? Откуда? - Это... из имения боярина Луки, - сказал приказчик, и в его голосе прозвучала легкая неуверенность. - Он каждый месяц дарит князю бочонок своего лучшего мёда. Князь ценит.

Лука. Снова Лука. - Кто проверяет этот мёд перед тем, как его подать? - Да, пробуют стольники. И сам князь. Никогда жалоб не было.

Александра попросила зачерпнуть ей немного мёда в маленькую глиняную чашку. Она отнесла её в свою горницу, вместе с образцом порошка от Прохора. Теперь нужен был способ анализа. Примитивный, но хотя бы какой-то.

Она вспомнила старые криминалистические приемы. Некоторые яды реагировали с металлами. У неё была медная заколка для платка. Она соскребла с неё немного металла в мёд. Никакой немедленной реакции. Но это мало о чём говорило.

Нужен был другой подход. Нужно было понять мотив. Кто выиграет от медленной смерти князя? Лука? Возможно. Но он казался слишком очевидным подозреваемым. Воевода Ратибор? Он предан, но что, если он считает, что правит лучше? Боярин Мирон? Управленец, которому власть князя может мешать в его бюрократических делах.

А ещё была возможность, что отравитель действует по приказу извне - от соседнего князя или даже из далёкого Киева или Владимира.

Вечером Святослав вернулся. Он был в пыли, усталый, но казался более оживленным, чем утром. Он вызвал её к себе в кабинет.
 - Ну? Есть прогресс?

Она рассказала о своих наблюдениях: об отдельном порошке, о мёде от Луки, о процедуре подачи пищи.
 - Пока ничего конкретного, - призналась она. - Нужно больше времени. И мне нужны средства для проверки.

- Какие?
 Она задумалась. Что было доступно в XII веке? Уголь? Некоторые кислоты? Молоко?
 - Молоко, - сказала она. - Свежее. Уголь древесный, мелко истолченный. Серебряные предметы. Ложка, например.

Святослав смотрел на неё с интересом.
 - Для чего?
 - Некоторые яды дают осадок с молоком или изменяют цвет серебра. Уголь может поглощать некоторые вещества. Это не точно, но это хоть что-то.

Он кивнул.
 - Будешь иметь это завтра. Что ещё?
 - Мне нужно знать, у кого из вашего окружения есть знания о травах и ядах. Лекарь, знахарь, может быть охотник?

Лекарь при дворе был один - старый еврей по имени Исаак, человек учёный, по меркам того времени. Он подтвердил отравление, но не смог определить яд. Святослав послал за ним.

Пока они ждали, Александра решилась на более прямой вопрос.
 - Князь... боярин Лука. Насколько вы ему доверяете?

Святослав нахмурился.
 - Лука? Его отец был моим соратником. Сам Лука - умен, амбициозен. Слишком амбициозен, может быть. Но предательства от него я не жду. Он слишком много получил от моей милости.

- А если он хочет большего? - рискнула она. - Не просто милости, а власти?

Князь задумался. В этот момент дверь открылась, и вошёл не лекарь, а сам Лука. Увидев Александру, он лишь слегка удивился, затем поклонился.
 - Князь. Вы меня звали?
 - Нет, - холодно ответил Святослав. - Я звал лекаря.

- А, Исаак... он, кажется, уехал в посад к больной женщине. Что случилось? Неужто опять... - Лука бросил быстрый, выразительный взгляд на Александру.

«Он знает, - мгновенно сообразила она. - Он знает про отравление. Или догадывается».

- Ничего, - отрезал Святослав. - Дела обычные.

Лука не стал настаивать. Его взгляд скользнул по Александре, и в нем промелькнуло что-то острое, аналитическое.
 - Я не помешал? Если что-то требуется, я к вашим услугам, князь. Всегда.

Он ушёл. Тишина в кабинете стала тяжелой.

- Он знает, - тихо сказала Александра.
 - Возможно, - согласился Святослав. Его лицо стало непроницаемым. - Или просто умен и наблюдателен, как ты. Не спеши с выводами, Елена. На этом дворе поспешность убивает быстрее яда.

В ту ночь он снова позвал её к себе. Страсть между ними снова вспыхнула, столь же яростная и конфликтная. Но теперь в ней появился новый оттенок - некое странное доверие, возникшее из общего дела. Он был с ней чуть менее груб, она - чуть менее сопротивляющейся. После, лежа в темноте, он спросил:
 - Ты боишься умереть здесь, в этом мире?

Вопрос застал её врасплох.
 - Все бояться смерти.
 - Но твой страх - он иной. Как будто ты уже однажды потеряла что-то огромное. Не жизнь, а целый мир.

Она замерла. Он был пугающе проницателен.
 - Может быть, - прошептала она.

Он повернулся к ней, оперся на локоть.
 - Кто ты, девушка? Откуда пришли твои странные знания? Твоя манера смотреть на всё сверху вниз, будто ты царица, попавшая в хлев?

Она не ответила. Не могла.

Он вздохнул и снова улегся на спину.
 - Ладно. Храни свои тайны. Пока. Но знай: рано или поздно я их раскопаю. Все до одной.

Александра смотрела в темноту, слушая его дыхание. Она думала о Луке, о знаке на бочке с мёдом, о серебряной ложке, которая, возможно, почернеет от яда. О предателе где-то рядом. И она думала о том, что, охотясь на него, она сама становится мишенью.

Игра становилась смертельной. А её противниками были не только тайный враг, но и сам человек, в чьих объятиях она лежала сейчас. Человек, который был её главной угрозой и единственной защитой.

Охота только начиналась.

Глава 3.

На следующее утро Александра проснулась одна. Святослав уже встал - его место на кровати было холодным. На деревянном столике возле рукомойника стоял глиняный кувшин с молоком, деревянная чаша с мелким древесным углём и простая, но чистая серебряная ложка. Рядом лежала записка, вернее, берестяная грамота с грубыми, но четкими буквами: «Ищи».

Он выполнял своё обещание. И давал понять, что ждёт результатов.

Александра быстро умылась, оделась и приступила к своим примитивным опытам. Сначала она взяла образец мёда из бочки Луки. Налила немного молока в отдельную чашку, капнула мёд. Никакой немедленной коагуляции или изменения цвета не произошло. Она погрузила в смесь серебряную ложку. Минута, две... Ложка оставалась чистой.

«Слишком просто, - подумала она с досадой. - Если бы это был мышьяк или сулема, они прореагировали бы. Значит, либо яд не в мёде, либо он другого свойства».

Затем она взяла порошок от Прохора. Смешала щепотку с молоком. Цвет жидкости не изменился. Но когда она опустила серебряную ложку, на её поверхности почти сразу появился лёгкий, едва заметный желтоватый налет. Сердце Александры забилось чаще. Она попробовала тот же порошок на кусочке сырого мяса, которое выпросила у Мавры. Через полчаса мясо вокруг порошка потемнело, структура волокон изменилась - признаки некроза ткани.

«Токсично. Но не смертельно сразу, - анализировала она. - Хроническое отравление. То, что нужно для медленного ослабления».

Она спрятала образцы и пошла искать Прохора. Повар был на кухне, руководил заготовкой овощей на зиму.

- Прохор, этот порошок, кто его приносил? Тот шаман?
Прохор нахмурился, понизив голос.
- Нет, шаман тот давно уж пропал. А порошок... его пополняет боярин Мирон. Говорит, у него свои каналы, чтоб князь не нуждался.

Боярин Мирон. Управленец. Педантичный, осторожный. Имеющий доступ ко всему. Он мог подменить порошок на отравленный, мог подливать яд во что угодно.

- А князь часто его просит?
- Раньше - да. Последние полгода - редко. Но Мирон приносит регулярно, будто про запас. Говорит, пусть будет.

Александра поблагодарила его и вышла, чувствуя, как в голове складывается первая версия. Но что-то не сходилось. Мирон был прагматиком. Зачем ему убивать князя медленно? Если бы он хотел власти, ему нужен был бы либо быстрый переворот, либо влияние на наследника. Но наследника у Святослава не было. Его единственный сын умер в младенчестве несколько лет назад. Жена, княгиня, умерла при родах.

Значит, смерть Святослава привела бы к хаосу, борьбе за престол между боярскими кланами, возможно, к вмешательству соседей. Мирон, как главный управляющий, мог бы попытаться стать регентом, но это был огромный риск. Не похоже на осторожного бюрократа.

Ее размышления прервала Улита, которая прибежала запыхавшаяся.
- Олена Дубровна! Князь велел вас к нему. В гридницу. Там беда.

Александра поспешила через двор. В гриднице собралась толпа. В центре, на полу, лежал мертвый мужчина в одежде дружинника. Лицо его было синюшным, изо рта шла пена. Рядом стоял Святослав с лицом, вырезанным из камня. Рядом - воевода Ратибор и боярин Мирон. Лука стоял чуть поодаль, бледный, со сложенными на груди руками.

- Что случилось? - спросила Александра, подходя.
- Ещё одна смерть, - коротко бросил Святослав. - Стражник с ночной вахты. Нашли утром в караульне. Как думаешь, от чего?

Она опустилась на колени рядом с телом, преодолевая отвращение. Осмотрела глаза - расширенные зрачки. Пену. Синюшность. Признаки удушья или остановки сердца.
- Можно перевернуть?

Святослав кивнул. С помощью Ратибора они перевернули тело. На задней стороне шеи, под волосами, Александра увидела крошечную, почти незаметную ранку - как от укола тонкой иглой. Вокруг неё - небольшой очаг покраснения.

- Его убили, - тихо сказала она. - Не яд в пище. Инъекция. Что-то очень быстрое и сильное.

- Инъекция? - переспросил Мирон, хмурясь. - Укол. Иглой. В шею, в основание черепа. Попадание, скорее всего, в ствол мозга или крупный сосуд. Смерть почти мгновенная.

Она подняла взгляд на Святослава, - Это уже не скрытое отравление, а сигнал. Или устранение свидетеля.

- Свидетеля чего? - спросил Лука, сделав шаг вперёд. - Возможно, этот стражник что-то видел. Или знал. И его убрали, пока он не заговорил.

Святослав посмотрел на мёртвого стражника, потом на Александру. Его лицо было непроницаемым, но в глазах бушевала буря. - Ратибор. Опроси всех, кто был с ним в смене. Кого он видел, с кем говорил. Мирон - проверь все входы и выходы за ночь. Олена, ты со мной.

Он резко развернулся и пошёл к выходу. Александра последовала. Он вёл её не в кабинет, а в маленькую часовенку, пристроенную к терему - прохладное, тёмное помещение с иконами и горящей лампадой. Здесь пахло воском и ладаном.

- Два предателя, - сказал он, оборачиваясь к ней. Его голос звучал устало и яростно. - Один травит меня исподтишка. Другой убивает моих людей открыто. Или это один и тот же, но решил сменить тактику?

- Возможно, стражник стал угрозой, - предположила Александра. - Ваше отравление - дело тонкое, долгое. Убийство стражника - грубое, но быстрое. Разные почерки. Может, и разные люди.

- А может, кто-то хочет, чтобы я так думал, - возразил он и подошёл к окну часовни, смотря в узкую щель наружу. - Двор кишит змеями. И ты, Олена, выпущена среди них. Кто-то уже видит в тебе угрозу.

Она поняла, к чему он клонит. - Вы думаете, убийство стражника - предупреждение мне? - Или попытка подставить тебя. У тебя нет алиби на ночь. Ты была в моих покоях, но кто, кроме меня и стражников у двери, это подтвердит? А стражники могут быть куплены.

Холодный ужас пополз по её спине. Он был прав. В этой игре её позиция была шаткой, как никогда. - Что делать? - Ты продолжишь искать. Но теперь осторожнее вдвойне. Ты получишь личную охрану - двух человек из моей личной дружины. Они будут следить не только за тем, чтобы ты не сбежала, но и чтобы тебя не убили.

- И они мне доверяют? - усомнилась она. - Они доверяют мне. А я... - он обернулся, и в его взгляде было что-то почти человеческое, - ...я начинаю верить, что ты не хочешь видеть меня мертвым. По крайней мере, пока не разберешься в этом хаосе сама.

Это было не доверие, а признание общности интересов. Но в этом мире и это было много. - Спасибо, - тихо сказала она.

Он кивнул, затем его лицо вновь стало суровым. - Теперь об этом порошок. Ты что-то нашла?

Она рассказала о своих примитивных тестах, о налёте на серебре, о реакции с мясом. О том, что порошок пополняет боярин Мирон.

Святослав выслушал, не перебивая. - Мирон, - произнёс он наконец. - Это логично. И в то же время - нет. Он не дурак. Подсовывать яд так прямо - не в его стиле.

- А если он рассчитывает на то, что его сочтут слишком умным для такого прямого действия? Двойной блеф? - Возможно, - согласился князь. - Но у Мирона есть алиби на ночь. Он был в городе, на совете у посадника, с десятком свидетелей. Убить стражника он не мог физически.

- Тогда сообщник, - заключила Александра. - Или мы имеем дело с двумя разными заговорами.

- Чертополох, - выругался Святослав тихо. - Ладно. Продолжай копать вокруг Мирона. Но осторожно. Он паук, почувствует вибрацию в своей паутине.

Вечером её «личная охрана» явилась в полном составе. Двое дружинников: старший — Горислав, коренастый, молчаливый детина с умными глазами, и младший — Сновид, юноша лет девятнадцати, с любопытным, открытым взглядом. Оба были преданы князю, как выяснилось, Горислав был когда-то спасен им в бою.

С этого момента за Александрой тянулась тень. Но это была и защита, и еще большее ограничение свободы.

Она решила начать с библиотеки. Вернее, с книгохранилища при часовне, где хранились немногочисленные летописи, церковные книги и, возможно, травники. Лекарь Исаак имел к ним доступ. Может, там были подсказки.

В полутьме книгохранилища, при свете сальной свечи, она листала пожелтевшие пергаменты. Большинство текстов были на церковнославянском, который она понимала с трудом. Но вот одна книга, более новая, с грубыми рисунками растений, привлекла её внимание. «Травник уставный».

Она искала упоминания ядов. Белена, болиголов, аконит... И вот, на одной из страниц, рисунок растения с мелкими жёлтыми цветками и особыми листьями. Подпись: «Змееголовник горький. Зелье от него сушит кровь, томит дух, но плоть возбуждает. В малых дозах - на потребу любовную. В больших - к немочи и кончине медленной».

Описание эффектов совпадало с симптомами Святослава. И с заявленным действием «афродизиака». Она прочитала дальше: «Растёт в тенистых оврагах, близ вод, на северных склонах. Цветёт в конце лета».

Значит, яд местный. Его могли заготовить здесь, в округе. И Мирон, имеющий обширные связи среди поставщиков и крестьян, мог легко его достать.

Она вышла из книгохранилища, неся «Травник» с собой, и столкнулась лицом к лицу с Лукой.

- О, - улыбнулся он, взглянув на книгу. - Углубляетесь в травничество, Олена Дубровна? Опасное занятие. Могут заподозрить в ведовстве.

- Знание - не ведовство, боярин, - парировала она. - А невежество убивает.

- Мудро сказано, - кивнул он. Его взгляд стал серьёзнее. - Вы ищете того, кто вредит князю. Это благородно. Но будьте осторожны. Некоторые тени в этом дворце длиннее, чем кажется.

- Вы говорите о боярине Мироне? - напрямую спросила она, наблюдая за его реакцией.

Лука не дрогнул.
- Мирон - верный слуга. Но у каждого слуги есть свои интересы. Он управляет казной, землями, откупам. Слишком много власти для одного человека. А где много власти, там возникает соблазн перераспределить её.

Он сделал паузу, понизив голос.
- Есть слухи о переписке Мирона с княжеским двором в Чернигове. Очень личной переписке.

Намёк был ясен: Мирон мог вести двойную игру, готовя почву для смены власти.
- Почему вы говорите мне это? - спросила Александра.
- Потому что князь, кажется, вам доверяет. А я хочу, чтобы он жил. Черниговские князья - родственники, но они сожрут Черноград, как псы падаль, если представится шанс. Мирон же мечтает о месте в их боярской думе, повыше нашего скромного удела.

Он поклонился и ушёл, оставив её с тяжёлыми мыслями. Лука либо был искренним патриотом, либо мастерски вёл свою игру, стравливая ее с Мироном.

Вечером она доложила Святославу о находке в «Травнике» и о словах Луки.
 - Змееголовник, - задумчиво повторил князь. - Знакомое название. Его применяли, когда мой отец болел той же хворобой, что и я сейчас.

- Ваш отец тоже был отравлен?
 - Мы так думали, но доказать не смогли. Он умер через три года медленного угасания. - Святослав сжал кулаки. - Если это правда, то, значит, предатель у меня в окружении уже много лет. Со времен отца.

Эта мысль, казалось, потрясла его больше, чем всё предыдущее.
 - Что до Луки, то он может быть прав. Мирон часто ездит в Чернигов по торговым делам. У него там родня. Но Лука тоже не святой. Его отец погиб при странных обстоятельствах на охоте, когда я был ещё юн. Лука всегда считал, что в этом была чья-то рука. Возможно, он пытается свести счеты, используя тебя.

Головоломка усложнялась. Каждый шаг вперед открывал новые лабиринты лжи и старых обид.

Той ночью, когда они лежали вместе, Святослав был необычайно молчалив. Он обнимал её сзади, его лицо было опущено в её волосы.
 - Олена, - прошептал он. - Если я умру, то обещаю тебе одну вещь.

Она замерла.
 - Не говорите так.
 - Обещай. Найди того, кто это сделал. И убей. Не важно, кто это будет - Мирон, Лука, мой молочный брат... кто угодно. Убей. А потом... беги. Подальше от этого проклятого места. Ты слишком ценна, чтобы сгореть здесь вместе со мной.

Его слова, полные мрачной нежности и фатализма, сжали ей горло. Впервые он говорил с ней не как с вещью или инструментом, а как с человеком, которому доверяет последнюю волю.
 - Вы не умрёте, - сказала она с силой, которой не чувствовала. - Я не позволю.

Он рассмеялся тихо, горько.
 - Ты сильна духом. Но даже самые сильные не могут остановить яд, уже пустивший корни в крови.

Он повернул её к себе, и его поцелуй в темноте был нежным, почти отчаянным. Эта ночь не была битвой. Она была причастием. Общением двух одиноких душ, затерянных в лабиринте предательства.

На следующее утро, когда Святослав уехал на смотр дружины, Александра решила действовать. Если яд - змееголовник, значит, где-то есть его запас. Нужно найти источник. Она под предлогом сбора «полезных трав для княжеского здоровья» уговорила Горислава сопровождать её за стены города, к реке, где, по описанию, мог расти змееголовник.

Они вышли через малые ворота, спустились по тропинке к заросшему ольхой берегу. Осенний воздух был свеж и холоден. Александра, делая вид, что ищет травы, внимательно осматривала склоны оврагов. И нашла: на северном склоне, в тени, росла куртина растений с жёлтыми цветками и характерными листьями. Часть стеблей была срезана - свежие срезы.

- Кто-то недавно собирал это здесь, - сказала она Гориславу, показывая.
 Дружинник нахмурился.
 - Место безлюдное. Разве что знахари или...

Он не договорил, но она поняла. Или тот, кто готовил яд.

Они вернулись в город. По пути Александра заметила, как Сновид, младший стражник, о чём-то оживленно разговаривал у колодца с одной из служанок из терема боярина Мирона. Девушка, заметив взгляд Александры, быстро отошла.

Вечером, когда Святослав вернулся, она поделилась находками: и про заросли змееголовника, и про срезанные стебли, и про подозрительную беседу Сновида.
 - Сновид, - задумчиво проговорил князь. - Он из семьи, близкой к Мирону. Его взял в личную дружину по протекции. Возможно, он шпионит для боярина. А может, просто флиртует со служанкой.

- Нужно проверить, - настаивала Александра. - Если Мирон отравитель, то у него должны быть сообщники. И инструменты для изготовления яда. Нужно обыскать его дом.

Святослав смотрел на неё долго.
 - Обыск боярина без доказательств - оскорбление, которое может привести к мятежу. Мирон имеет много сторонников. Нужны железные доказательства. Или провокация.

- Какая?
 - Мы дадим ему возможность проявить себя. Я объявлю, что чувствую себя значительно лучше благодаря «новому снадобью», которое приготовила ты. Скажу, что скоро полностью поправлюсь. Если он занервничает, если попытается ускорить события или избавиться от тебя, то мы поймем его с поличным.

Это был риск для неё. Но и шанс.
 - Хорошо, - согласилась она. - Но мне нужна защита. Настоящая.

- Ты её получишь, - пообещал он. - Гориславу я доверяю полностью. Он будет твоей тенью. И я буду рядом. Насколько смогу.

План был запущен. На следующий день Святослав на совете объявил о своём «улучшении», публично похвалив «знания наложницы Олены». Он выглядел действительно бодрее - возможно, сыграв свою роль, а возможно, из-за того, что с момента ее предупреждения доступа к нему был ограничен.

Реакция Мирона была сдержанной. Он поздравил князя, но в его глазах мелькнуло что-то - тревога? Раздражение? Лука же сиял, как будто это его личная победа.

В следующие дни напряжение в княжьем дворе достигло пика. Александра чувствовала на себе взгляды - любопытные, враждебные, оценивающие. Она продолжала свои «исследования», открыто спрашивая о травах, ядах, доступе к княжеской кухне. Она играла роль наивной, но удачливой знахарки.

А ночью, в покоях Святослава, они строили планы. Их отношения странным образом углубились. Между спаррингами страсти возникали моменты тихого разговора. Он рассказывал о своём детстве, о войнах, о мечтах объединить окрестные земли под сильной рукой. Она, осторожно, делилась обрывками «теорий» из своего мира - о логике, о наблюдении, о природе предательства.

Однажды ночью, после особенно долгого и изматывающего разговора, он сказал:
 - Знаешь, иногда мне кажется, что ты не от мира сего. Будто ты упала со звезды или вышла из старого сказания. И это пугает. И завораживает.

Она не ответила, просто прижалась к нему, слушая стук его сердца. В этой близости была ложь, манипуляция, смертельная опасность. Но была и искра чего-то настоящего. Связи, возникшей в самом пекле борьбы за выживание.

А тем временем тень предателя стучалась. Через три дня после объявления об «улучшении» князя, поздно вечером, в ее терем пробрался человек.

Александра не спала. Она услышала скрип половицы, мгновенно замерла, рука потянулась под подушку, где лежал короткий нож, который тайком выпросила у Горислава «для защиты».

В темноте она увидела силуэт - не Горислава, не служанки. Мужчина, одетый в тёмное, крался к её кровати. В его руке блеснуло лезвие.

Она задержала дыхание, готовясь к прыжку. Но прежде чем незваный гость успел сделать ещё шаг, из-за занавески у двери выскочила огромная тень. Горислав. Последовала короткая, яростная схватка в темноте, сдавленные стоны, звук удара, тяжёлое падение.

Зажгли светец. На полу лежал Сновид. Младший стражник. Его горло было перерезано быстрым, профессиональным движением. Горислав стоял над ним, вытирая свой нож, его лицо было хмурым.
 - Он хотел тебя убить, - коротко сказал он. - Подкуплен. Перед смертью успел пробормотать одно имя.

- Какое? - спросила Александра, чувствуя, как холодеют руки.
 - Мирон.

Казалось, всё сошлось. Но в голове у Александры зазвучал тревожный звонок. Слишком просто. Слишком очевидно. Сновид, связанный с Мироном, пытается убить её по его приказу?

После того как его только что заподозрили в шпионаже? Это была либо невероятная глупость, либо...

...либо ловушка. Для Мирона. Или для них всех.

Глава 4.

Тело Сновида унесли. Княжеский двор пробудился в предрассветной тишине, но уже гудел, как потревоженный улей. Известие о том, что один из личных стражников князя попытался убить его наложницу и был зарезан другим стражником, прокатилось волной шепотов и перекошенных от страха лиц.

Святослав, разбуженный среди ночи, заслушал доклад Горислава в своём кабинете. Александра стояла рядом, всё ещё дрожа от адреналина, кутаясь в наброшенный на плечи плащ.

- Мирон, - произнес князь после долгой паузы. Он не выглядел торжествующим. Напротив, его лицо было усталым и разочарованным. - Он что, совсем обнаглел? Или мы что-то упускаем?

- Это слишком прямолинейно для него, - высказала вслух свою тревогу Александра. - Сновид был связан с ним. Все это знали. Посылать его на убийство - всё равно что оставить на месте преступления табличку со своим именем.

- Если не он, то кто? - Горислав, обычно молчаливый, нахмурился. - Сновид назвал его имя. Умиравшие не врут.

- Или их заставляют произнести нужное имя перед смертью, - возразила Александра. - Тот, кто его подослал, мог быть уверен, что Горислав или я убьём его. И подготовил эту последнюю фразу как клевету.

Святослав медленно кивнул. - Возможность есть. Значит, у нас два варианта. Первый: Мирон - отравитель и заказчик убийства, и он невероятно самонадеянный дурак. Второй: кто-то очень умный и очень опасный стремится сравнять меня с Мироном, устранив при этом тебя, Олена, как слишком внимательную помеху.

- Лука, - тихо сказала Александра. - Или кто-то, кого мы ещё не видим, - добавил Святослав. - Но Лука... да, он достаточно умен для такой многоходовки. И у него мотив - убрать Мирона как конкурента за влияние и, возможно, отомстить за отца, если он считает Мирона причастным.

Он встал, прошелся по кабинету. - Мы не можем арестовать Мирона без железных доказательств. Но и оставлять всё как есть нельзя. Собирай свои «улики», Олена. Всё, что у тебя есть: порошок, описание трав, показания Прохора. Завтра утром я созову тайный совет - себя, тебя, Ратибора, Мирона и Луку. Мы устроим маленький спектакль.

- Это опасно, - предупредил Горислав. - Если предатель среди них, он может пойти на отчаянный шаг.

- Пусть попробует, - холодно ответил Святослав. - Я подготовлю людей. И тебя, Горислав, я поставлю за дверью. По первому моему знаку - внутрь.

Он повернулся к Александре. - Ты готова сыграть главную роль? Она глубоко вдохнула. Страх был, но его перекрывала решимость. Она устала от этой игры в тени. Пора было выводить змею на свет. - Готова.

Утро выдалось серым и дождливым. В малой гриднице, куда обычно собирался узкий круг доверенных лиц, было прохладно и сумрачно. Святослав сидел во главе стола. Справа от него - седовласый воевода Ратибор, слева - бледный, но собранный боярин Мирон. Напротив - Лука, с лицом, выражавшим озабоченность и преданность. Александра стояла чуть поодаль, у стены, рядом с полками, где стояли свитки и лежали её скромные доказательства.

- Вызвал вас, - начал Святослав без предисловий, - по делу, которое касается жизни моего княжества и моей собственной. Кто-то в этих стенах уже много месяцев пытается медленно свести меня в могилу. А вчера ночью попытался ускорить процесс, послав убийцу к человеку, который помогает мне это расследовать.

Он сделал паузу, давая словам проникнуть в сознание.
 - Я знаю, что предатель сидит среди нас. Или стоит.

Все замерли. Мирон побледнел ещё больше. Лука наклонился вперед, его глаза горели. Ратибор угрюмо смотрел на свои руки, сжатые в кулаки на столе.

- Княже, - начал Мирон, и голос его дрогнул. - Это чудовищное обвинение...
 - Это не обвинение, Мирон. Это констатация факта. Олена, расскажи, что ты нашла.

Александра сделала шаг вперёд. Она говорила четко, без эмоций, как на докладе в своём старом отделе: о симптомах отравления, о порошке-афродизиаке, о змееголовнике, о срезанных стеблях у реки, о том, что пополнение порошка лежит на боярине Мироне.

Мирон слушал, и на его лице попеременно сменялись страх, недоверие и гнев.
 - Это клевета! - вырвалось у него, когда она закончила. - Да, я отвечал за поставку снадобья! Но я получал его от знахаря из посада! Я не знал, что оно отравлено! И уж тем более не пытался убить эту девку!

- Сновид, твой протеже, назвал твоё имя перед смертью, - холодно сказал Святослав.
 - Под пытками! Или его заставили! - Мирон вскочил, его обычная сдержанность исчезла. - Князь! Я служил тебе и твоему отцу двадцать лет! Я управлял твоим хозяйством, умножил твою казну! Зачем мне тебя убивать? Хаос после твоей смерти разорвёт княжество на части! Моё благополучие связано с твоим!

В его словах была жестокая правда. Мирон выигрывал от стабильности, а не от хаоса.

- А если ты договорился с Черниговом? - тихо спросил Лука. Все взгляды устремились на него. - Есть слухи о твоей переписке. Обещание высокого места в их думе в обмен на ослабление Чернограда.

Мирон остолбенел, затем его лицо исказилось яростью.
 - Ты! Ты, щенок! Это ты подстроил всё! Ты хочешь моё место! Ты всегда завидовал моему влиянию! А теперь ещё и отца моего, небось, вспомнил? Хочешь отомстить за свою погибшую родню, которую никто не убивал, они сами на охоте угорели!

Лука встал, его лицо стало каменным.
 - Не смей говорить о моём отце. Ты знаешь, что это была не случайность.

- Довольно! - громовым голосом прервал их Святослав. Он тоже встал, и его авторитет на мгновение подавил кипящие страсти. - Вы оба предоставили себе мотивы. Мирон - власть и связи с Черниговом. Лука - месть и карьерные амбиции. Но доказательства... - он посмотрел на Александру, - ...пока что указывают на тебя, Мирон.

В этот момент Александра, которая всё это время наблюдала не только за словами, но и за мельчайшими реакциями, заметила нечто. Пока Мирон и Лука обвиняли друг друга, воевода Ратибор сидел, уставившись в стол. Но его пальцы не просто были сжаты. Они выстукивали на дереве странный, нервный ритм. И его взгляд, когда он на миг поднял глаза, не был направлен ни на Мирона, ни на Луку. Он смотрел на дверь. Как будто ждал чего-то. Или кого-то.

И тут в голове у Александры всё сложилось. Как пазл. Отдельные кусочки, которые не хотели вставать на место, вдруг щелкнули.

Травник. Знания о ядах. Доступ не только к еде, но и к самому князю, к его покоям. Возможность подослать убийцу, зная распорядок стражников. Авторитет, чтобы заставить умирающего назвать нужное имя. И мотив: не власть, не деньги, не месть. А нечто более древнее и страшное.

- Ратибор, - сказала она громко и чётко.

Все замолчали, повернувшись к ней. Старый воевода медленно поднял на нее взгляд. В его глазах не было ни удивления, ни страха. Было лишь ледяное, усталое спокойствие.

- Что ты сказала, девица? - спросил Святослав, не понимая.
 - Это не Мирон. И не Лука. Это он, - Александра указала на Ратибора. - Воевода Ратибор. Он и есть отравитель.

В гриднице повисла гробовая тишина. Даже Святослав, казалось, был ошеломлен.
 - Ратибор? Мой воевода? Ты рехнулась! Он спас мне жизнь на поле боя! Он как отец мне!

- Именно поэтому он имеет полный доступ к вам, - настаивала Александра, её голос дрожал от напряжения. - Кто может войти в ваши покои в любое время без подозрений? Кто может отдать приказ стражнику, и тот выполнит, не задумываясь? Кто знает все травы и яды не по книгам, а по долгой военной и охотничьей жизни? Вы сами сказали: ваш отец умер от той же болезни. А кто был его верным воеводой? Тот же Ратибор!

Она обернулась к самому Ратибору.
 - Вы доставали порошок через Мирона, используя его каналы, чтобы подставить его в случае чего. Вы подговорили или принудили Сновида, вашего подчинённого, попытаться убить меня, а потом убили его или приказали Гориславу сделать это, зная, что он назовет имя Мирона. Всё слишком гладко складывалось против боярина. Слишком искусно.

Ратибор не двигался. Потом он медленно, как старый раненый медведь, поднялся со скамьи.
 - Умная девица, - произнёс он хрипло. - Слишком умная для своего блага.

- Ратибор... - Святослав произнёс его имя с болью и неверием. - Это правда?

- Правда, - просто сказал старый воин. В его голосе не было ни раскаяния, ни злобы. Была только бесконечная усталость. - Я травил тебя, Святослав. Как травил твоего отца.

- Зачем?! - крикнул князь, и в его голосе прозвучала неподдельная агония. - Я тебе как сын был!

- Потому что ты, как и он, слаб! - внезапно прогремел Ратибор, и в его глазах вспыхнул огонь давно копившейся ярости. - Твой отец мечтал о сильной, единой Руси, а просиживал штаны в этих стенах, торгуясь с боярами и попами! Ты - то же самое! У тебя есть сила, ум, но ты тратишь их на суды, на подати, на переговоры с этими шакалами! - он махнул рукой в сторону Мирона и Луки. - Русь тонет в междоусобицах, а вы тут играете в князьков! Нужна железная рука! Рука воина! А не администратора!

- И это твоя рука? - с презрением спросил Святослав.
 - Нет. Моя слишком стара. Но я готовил замену. - Ратибор посмотрел на дверь.

Дверь распахнулась. Но вошёл не Горислав. Вошли трое вооружённых дружинников - люди Ратибора, его личная гвардия. Их лица были хмуры и решительны.

- Нужна железная рука, - продолжал Ратибор. - Я выбрал её. Моего племянника, Варяга. Он сейчас ведёт к стенам Чернограда дружину наёмников. К полудню город будет наш. А ты умрёшь от долгой болезни, как и твой отец. Печально, но такова судьба слабых правителей.

Святослав стоял, сжав кулаки. На его лице бушевала буря - предательство самого близкого человека ранило глубже любого яда.
 - И что? Ты станешь князем? В твои-то годы?
 - Я буду регентом. Пока Варяг не научится. А потом мы начнем собирать земли. Не словами, а мечом.

Ситуация мгновенно переменялась. Лука и Мирон, забыв свою вражду, отступили к стене, их лица были искажены ужасом. Александра почувствовала, как холодный пот выступил на спине. Они были в ловушке. Горислав, вероятно, был обезврежен или убит.

- А эта девка, - Ратибор кивнул на Александру, - испортила много крови. Но она подтвердила вину Мирона в глазах всех. После того как вы оба, князь и боярин, умрёте в перестрелке при попытке ареста, всё будет чисто. Лука... ну, Лука, наверное, побежит и будет убит при попытке к бегству.

Он сделал знак своим людям.
 - Возьмите их.

Но Святослав не был бы собой, если бы сдался без боя. В его руке, будто из ниоткуда, появился короткий, тяжёлый княжеский скипетр-булава. Он двинулся вперед не как отравленный больной, а как разъяренный зверь.

- Олена, дверь! - крикнул он.

Александра, действуя на инстинктах, рванулась к боковой двери, ведущей в сени. Один из дружинников шагнул ей наперерез, но Святослав со страшным размахом обрушил булаву ему на плечо. Раздался хруст кости, человек с криком рухнул.

В гриднице начался хаос. Лука, схватив со стола тяжелый подсвечник, вступил в бой с другим дружинником. Мирон, дрожа, прижался в углу. Ратибор, выхватив меч, сошёлся со Святославом. Старый воин был могуч, но годы и, видимо, совесть (или её отсутствие) делали его движения тяжелее.

Александра выскочила в сени. Горислав лежал на полу, окровавленный, но живой - у него на голове была глубокая рана. За дверью главного входа слышались крики и звон стали - там, видимо, шла своя схватка между верными князю людьми и заговорщиками Ратибора.

Она наклонилась к Гориславу, пытаясь привести его в чувство. В этот момент из гридницы вывалился Лука, отступая под натиском дружинника. Его рубаха была залита кровью.

- Князь! - закричала Александра.

Из двери гридницы, пятась, вышел Святослав. Он дрался с Ратибором, но было видно, что силы оставляют его - яд и стресс делали своё дело. Булава с трудом парировала удары меча.

И тут Александра увидела, как Мирон, всё ещё сидевший в углу гридницы, поднял что-то с пола. Это был нож, выбитый у кого-то в драке. И вместо того чтобы броситься на помощь князю или бежать, боярин с неожиданной ловкостью метнул его.

Лезвие впилося не в Ратибора, а в его противника - в спину дружинника, сражавшегося с Лукой. Тот замер, захрипел и рухнул. Лука, воспользовавшись моментом, ударил подсвечником по голове второго дружинника, того, что был ранен Святославом.

Мирон не был воином. Он был бюрократом. Но он сделал холодный, точный расчёт: убрать солдат, оставив князя один на один с главным предателем. Или, может, он просто хотел выжить и выбрал сторону сильнейшего в данный момент.

В гриднице теперь остались только Святослав и Ратибор, да ещё Мирон, прижавшийся к стене. Александра, оставив приходящего в себя Горислава, шагнула обратно в дверной проём.

Святослав и Ратибор стояли, тяжело дыша, смотря друг другу в глаза через скрещенное оружие.
- Сдайся, старик, - хрипло сказал князь. - Я пощажу тебя. Из уважения к прошлому.
- Нет у меня прошлого, - ответил Ратибор. - Есть только будущее, которое ты губишь. И я его не отдам.

Он сделал отчаянный выпад. Святослав отбил его, но потерял равновесие. Булава выскользнула из его ослабевших пальцев. Ратибор поднял меч для последнего удара.

Александра, не думая, схватила с пола тот самый подсвечник, что выронил Лука. Он был тяжелым, бронзовым. Она размахнулась и изо всех сил швырнула его в Ратибора.

Подсвечник угодил старому воеводе в бок, не причинив серьёзной раны, но отвлек на долю секунды. Этого хватило Святославу. Он рванулся вперёд, не за оружие, а голыми руками, обхватив Ратибора в жесткий захват. Они рухнули на пол, и князь, оказавшись сверху, зажал голову предателя в локтевом сгибе.

- Приказ... отменяю... - хрипел Ратибор, пытаясь вырваться. - Варяг... идёт...
- Пусть идёт, - прошептал Святослав ему на ухо. - Он найдёт здесь только твой труп и готовый к бою город.

Раздался страшный хруст. Тело Ратибора обмякло. Святослав отпустил его и откатился в сторону, судорожно глотая воздух. Его лицо было бледным как мел, на губах выступила пена.

- Князь! - Александра бросилась к нему.

Он сидел, прислонившись к столу, и смотрел на тело человека, который был ему почти отцом. В его глазах не было победы. Была только пустота и боль.

- Горислав! - крикнула Александра. - Помоги!

Но помогать было уже некому. Из главных дверей ворвались люди - это были верные дружинники во главе с уцелевшим Гориславом. Они быстро обезвредили оставшихся заговорщиков. Мирон, дрожа, поднялся из угла. Лука, истекая кровью, опустился на лавку.

Святослав с трудом поднялся на ноги, опираясь на Александру.
 - Горислав... на стены. Поднять все резервы. Ждать атаки наёмников Варяга. Лука... если можешь, иди, организуй оборону посада. Мирон... - он посмотрел на боярина, и в его взгляде было сложное сочетание благодарности и недоверия, - ...открой казну. Выдай оружие всем, кто может держать. И пошли гонцов к соседям. Скажи, что Черноград держит удар и просит помощи против общего врага - предателей и наемников.

Все кинулись выполнять приказы. Александра осталась со Святославом в опустевшей, залитой кровью гриднице. Он смотрел на тело Ратибора.
 - Он был последним, кто помнил меня мальчишкой, - прошептал он. - Почему? Почему идеи, даже самые светлые, превращают людей в монстров?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.